

Дай
Сы-цзе

Бальзак
и портниха-
китаяночка

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Д 14

Dai Sijie
BALZAC ET LA PETITE TAILLEUSE CHINOISE
Copyright © Dai Sijie, 2000

Перевод с французского Леонида Цывьяна

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-31604-1

© Л. М. Цывьян (наследник), перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Староста деревни, мужчина лет пятидесяти, сидел, поджав ноги, посреди помещения около выкопанного прямо в земляном полу очага, где горел уголь; он исследовал мою скрипку. Среди вещей «городских», какими мы с Лю были для жителей деревни, то был единственный предмет, от которого несло чуждым духом, духом цивилизации и который мог возбудить подозрения крестьян.

Один из них поднес керосиновую лампу, чтобы облегчить идентификацию непонятного объекта.

Староста держал скрипку вертикально и вглядывался в черное отверстие резонатора, прямо тебе как подозрительный таможенник, выскивающий наркотики. Я заметил у него в глазу три кровавых пятнышка ярко-красного цвета, одно побольше и два поменьше.

Держа скрипку на уровне глаз, он ожесточенно тряс ее, словно надеялся, что из темных недр резонатора что-то высыплется. У меня было ощущение, что струны вот-вот лопнут, а завиток и колки разлетятся ко всем чертям.

Почти все жители горной деревни собрались в нижнем этаже этой хижины на сваях. Мужчины, женщины, дети теснились в комнате, висели на окнах, давились перед дверью. Поскольку из инструмента ничего не выпало, староста приблизил отверстие к носу и долго принюхивался. Из левой ноздри у него торчали длинные, жесткие, грязные волосины, и мне показалось, что они даже шевелятся.

Однако ничего унюхать ему не удалось.

Он провел заскорузлыми пальцами по одной струне, по другой... Услышав неведомые звуки, вся толпа на миг окаменела, словно они возбудили у нее некое смутное почтение.

— Это игрушка, — важным голосом изрек староста.

От этого приговора мы с Лю онемели. И обменялись быстрыми встревоженными взглядами. Я попытался представить, чем все это может кончиться.

Один из крестьян взял у старосты «игрушку», постучал кулаком по резонатору, после че-

го передал ее следующему. Какое-то время моя скрипка переходила из рук в руки. Никто не обращал внимания на нас, двух городских парней, худых, хрупких, усталых и, наверное, выглядящих здесь нелепо. Целый день мы шли по горам и все у нас — одежда, лица, волосы — было заляпано грязью. Да, мы здорово смахивали на двух солдат реакционного режима из пропагандистского фильма, захваченных после проигранного боя в плен толпой крестьян, поддерживающих коммунистов.

— Дурацкая игрушка, — хриплым голосом бросила какая-то женщина.

— Нет, — возразил староста, — городская буржуазная игрушка.

Несмотря на огонь, горевший в центре комнаты, я похолодел. И тут же услышал, как староста произнес:

— Ее надо сжечь.

Решение это мгновенно вызвало живейшую реакцию толпы. Все говорили, кричали, толкались; каждому хотелось ухватить «игрушку», чтобы доставить себе удовольствие собственными руками бросить ее в огонь.

— Товарищ начальник, так это же музыкальный инструмент, — с развязным видом объявил Лю. — Мой друг — прекрасный музыкант. Кроме шуток.

Староста снова взял скрипку и опять принялся изучать. Потом протянул ее мне.

— К сожалению, товарищ начальник, я не очень хорошо играю, — смущенно признался я.

И тут я заметил, что Лю усиленно подмигивает мне. Я взял скрипку и принялся ее настраивать.

— Сейчас, товарищ начальник, вы услышите сонату Моцарта, — с полнейшей безмятежностью объявил Лю.

Я был потрясен и решил, что он сошел с ума: уже несколько лет как любые произведения Моцарта, впрочем как и всех других западных композиторов тоже, в нашей стране были запрещены. Обувь у меня промокла, и ноги замерзли. Я чувствовал, как меня вновь пронизывает ледящий холод.

— А что это такое — соната? — с подозрением поинтересовался староста.

— Даже не знаю, как сказать, — смятенно залепетал я. — Такая западная музыка...

— Песня, что ли?

— Ну вроде того, — уклончиво пробормотал я.

В тот же миг в старосте, как и положено коммунисту, пробудилась пролетарская бди-

тельность, и в его голосе я почувствовал враждебность.

— И как она называется, эта твоя песня?

— Она похожа на песню, но на самом деле это соната.

— Я спрашиваю, как она называется? — взревел он, сверля меня взглядом.

И опять три кровавых пятнышка в его левом глазу повергли меня в страх.

— Моцарт... — в смятении пробормотал я.

— Что — Моцарт?

— Моцарт думает о председателе Мао, — пришел мне на выручку Лю.

Какая дерзость! Но она произвела должное действие: грозное лицо старосты в один миг подобрело, точно он услышал волшебное слово. Глаза его превратились в щелочки, он расплылся в благостной улыбке.

— Моцарт всегда думает о председателе Мао, — изрек он.

— Совершенно верно, всегда, — подтвердил Лю.

Я стал натирать смычок, и тут вдруг раздались такие бурные аплодисменты, что мне стало как-то не по себе и даже немножко страшно. Мои окоченевшие пальцы забегали по струнам, и на память, подобно верным друзьям,

которые никогда тебя не покинут, тут же стали приходить моцартовские фразы. С каждой минутой под воздействием чистой, радостной мелодии Моцарта лица крестьян, бывшие совсем недавно такими непримиримыми и враждебными, все больше смягчались, точь-в-точь как смягчает иссохшая земля во время обильного дождя; постепенно в пляшущем свете керосиновой лампы все они утратили очертания, стали какими-то зыбкими.

Играл я довольно долго, Лю успел выкурить сигарету, причем курил он неспешно и с достоинством, как подобает мужчине.

Таким был первый день нашего перевоспитания. Лю было восемнадцать лет, мне — семнадцать.

* * *

Несколько слов о перевоспитании: в конце шестьдесят восьмого года великий кормчий председатель Мао объявил о новой кампании, которой предстояло кардинально изменить облик нашей страны: все университеты были закрыты, а «молодые интеллигенты», то есть выпускники средних школ, были направлены в деревни, дабы «подвергнуться там

перевоспитанию беднейшим крестьянством». (Спустя несколько лет эта невероятная идея вдохновила еще одного революционного вождя другой азиатской страны, а именно Камбоджи, но он действовал куда последовательней и радикальней, переселив все население столицы — и стариков и молодежь без разбора — «в деревню».)

Подлинная причина, побудившая Мао Цзэдуна принять подобное решение, так и осталась невыясненной. Возможно, он хотел покончить с «красными охранниками», хунвэйбинами, которые стали уходить из-под его влияния. А может, то была очередная фантазия великого революционного мечтателя, возжелавшего создать новое небывалое поколение. Никому так и не удалось выяснить истинные его мотивы. В те времена мы с Лю часто втайне обсуждали эту проблему. И пришли к такому выводу: Мао ненавидел интеллигенцию.

Мы были не первыми и не последними подопытными кроликами, на которых проводился этот беспримерный эксперимент. В ту затерянную в горах деревню, где в хижине на сваях я играл старосте Моцарта, мы прибыли в начале семьдесят первого года. И были мы ничуть

не несчастней других. До нас и после нас через это прошли миллионы и миллионы молодых людей. Правда, есть тут нечто, что можно назвать «иронией судьбы». Ни мне, ни Лю не повезло кончить среднюю школу. Мы отучились три года в техникуме, после чего нас послали в горную деревню, как будто мы впрямь были «интеллигентами».

Называть себя интеллигентами было бы для нас самозванством чистой воды, поскольку никаких знаний из техникума мы не вынесли; в возрасте от двенадцати до четырнадцати мы ждали, чтобы культурная революция утихла и снова открылся бы техникум. Но когда мы туда поступили, нас постигло глубокое и горестное разочарование: математика, равно как физика и химия, оказались изъяты из программы; основные учебные дисциплины ограничивались промышленностью и сельским хозяйством. На обложках учебников был изображен рабочий в фуражке, вздымающий молот в могучих мускулистых руках, прямо как у Сталлоне. А рядышком с ним находилась коммунистка с красным платочком на голове. (Среди учащихся техникума имела хождение малопристойная шуточка: дескать, она повяза-

ла голову гигиенической прокладкой.) И эти вот учебники да «красная книжечка» председателя Мао долгие годы оставались для нас единственными источниками знаний. Все прочие книги были запрещены.

В среднюю школу нас не приняли, а роль юных интеллигентов нам была навязана из-за наших родителей, почитавшихся врагами народа, хотя тяжесть преступлений, в которых обвинялись они, явно была несопоставима.

Мои родители были врачи. Отец пульмонолог, а мама специалист по паразитарным заболеваниям. Оба они работали в больнице в Чэнду, городе с населением почти в четыре миллиона. Вина их состояла в том, что они были «вонючими научными авторитетами» на скромном уровне стомиллионной провинции Сычуань, столицей которой был Чэнду, провинции, удаленной от Пекина, но зато соседствующей с Тибетом.

Отец Лю, в отличие от моего, был самой настоящей знаменитостью, великим дантистом, известным во всем Китае. Как-то раз, еще до начала культурной революции, он рассказал своим ученикам, что делал зубы Мао Цзэду-ну, его жене, а также Чан Кайши, президенту

Китайской Республики до захвата власти коммунистами. Ежели по правде, то многие заметили, поскольку вынуждены были на продолжении долгих лет ежедневно лицезреть портреты Мао, что зубы у него желтые и, можно сказать, грязные, но все они это свое открытие держали при себе. И тут вдруг знаменитый дантист публично запросто объявляет, что у великого кормчего зубы вставные; то была неслыханная дерзость, безумное и непростительное преступление, тысячекрат более страшное, чем выдача империалистам секретов Народно-освободительной армии. И кара за это преступление была тем более тяжелой, что отец Лю осмелился поместить супругов Мао в один ряд с самым гнусным из отбросов — Чан Кайши.

Уже давно наши семьи были соседями по площадке на четвертом, последнем, этаже кирпичного дома. Лю был пятым сыном своего отца и единственным ребенком у матери.

Не будет преувеличением утверждение, что Лю был моим лучшим другом. Мы вместе росли и вместе прошли через множество испытаний, зачастую довольно тяжелых. Ссорились мы крайне редко.

Я всегда буду помнить тот единственный случай, когда мы подрались или, верней будет сказать, когда он ударил меня. Случилось это летом 1968 года. Лю было уже почти пятнадцать, а мне только-только исполнилось четырнадцать. Во второй половине дня в больнице, где работали наши родители, было назначено общее собрание; происходило оно на баскетбольной площадке под открытым небом. Мы знали, что на этом собрании будут обнародованы новые разоблачения преступлений отца Лю. К пяти часам вечера никто из наших родителей не вернулся с собрания, и Лю попросил меня пойти туда с ним.

— Мы запомним всех, кто обвиняет и мучает моего отца, — сказал он мне, — чтобы потом, когда вырастем, отомстить им.

Баскетбольная площадка была запружена людьми, сверху она выглядела морем черных голов. Ревел мегафон. На трибуне в центре стоял на коленях отец Лю. Тяжеленная бетонная плита висела у него на шее, подвешенная на проволоке, которая так врезалась ему в кожу, что ее даже не было видно. А на плите было начертано его имя и преступление, в котором его обвиняют: РЕАКЦИОНЕР.

Мне казалось, что даже с расстояния тридцати метров, разделявших нас, я вижу на полу, как раз под головой отца Лю, большое темное пятно — пятно пота.

Из мегафона звучал угрожающий мужской голос:

— Признавайся, что ты спал с этой медсестрой!

Отец Лю склонял голову все ниже и ниже, и можно было подумать, что шея у него сломалась под тяжестью бетонной плиты. Обвинитель поднес микрофон к его губам, и над баскетбольной площадкой прозвучало тихое, какое-то дрожащее «да».

— Как это произошло? — рычал в мегафон инквизитор. — Ты первый пристал к ней или она к тебе?

— Я.

— А что было потом?

Несколько секунд было тихо. Затем вся толпа в один голос закричала:

— А потом?

Единодушный этот крик, вырвавшийся из двух тысяч глоток, прозвучал для нас подобно грому.

— Я сблизился с ней... — прошептал преступник.

— Дальше! Подробности!

— А потом, когда я сблизился с ней, я был словно в тумане, — продолжал признания отец Лю.

Мы с Лю ушли, а нам вслед летел рев двух тысяч фанатичных, ожесточенных инквизиторов. Я почувствовал у себя на щеках слезы и вдруг понял, до чего я люблю нашего старого соседа, знаменитого дантиста.

И в этот миг Лю, не говоря ни слова, влепил мне оплеуху. Удар был до того неожиданным, что я едва не полетел кубарем наземь.

* * *

И вот в 1971 году сын пульмонолога и его лучший друг, сын злобного врага народа, которому посчастливилось прикоснуться к зубам Мао, оказались единственными «молодыми интеллектуалами» среди сотни парней и девушек, сосланных на гору, носящую название Небесный Феникс. Таким необычным образом посредством этого поэтического названия вам давалось понять, как страшно она высока: жалким воробьишкам и вообще птицам равнины не дано достичь ее вершины; на это спо-

собно лишь сказочное, могучее и вечно одинокое существо, связанное с небом.

Дорог там не было, только узкая тропа вела туда, извиваясь среди нагромождения утесов, пиков, отрогов и гребней. Чтобы увидеть символ цивилизации, автомобиль, услышать автомобильный гудок, да даже просто вдохнуть букет ресторанных ароматов, вам пришлось бы два дня спускаться с этой горы. Сотней километров дальше на берегу реки Я находится крошечный городок Юнчжэн; ближе никаких городов нету. Единственным европейцем, чья нога ступала здесь, был французский миссионер отец Мишель; в сороковых годах он искал тут новый путь на Тибет.

«Окрестности Юнчжэна, — писал этот французский иезуит в своем путевом дневнике, — представляют определенный интерес, особенно одна из гор, которая носит название Небесный Феникс. Эта гора известна благодаря месторождению самородной меди, из которой в древности чеканили монету. Рассказывают, что в первом веке один из императоров династии Хань подарил эту гору своему любовнику, начальнику придворных евнухов. Когда я поднял глаза к ее головокружительным пикам, торчащим во все стороны, то заметил

узкую тропинку, что вилась вверх в мрачных расщелинах среди нагромождений скал и, казалось, истаивала в тумане. Несколько кули, нагруженных подобно вьючным животным огромными корзинами с медью, которые держались у них на спинах на кожаных ремнях, спускались по этой тропе. Но мне сообщили, что добыча меди здесь давно уже в упадке, и все из-за отсутствия транспортных средств. Сейчас по причине особого географического положения этой горы люди, живущие на ней, перешли на выращивание опиумного мака. Мне, кстати, очень не рекомендовали подниматься на гору: все, кто выращивает мак, вооружены. И после сбора урожая они занимаются тем, что нападают на путников. Так что я ограничился тем, что издали полюбовался этой дикой местностью, которая благодаря обилию высоких деревьев, вьющихся растений и вообще буйной растительности, казалось, специально создана для того, чтобы разбойник мог там затаиться, а после наброситься на путешественников».

На горе Небесный Феникс было около двух десятков деревень, располагающихся вдоль единственной извилистой тропы или же укрывающихся в сумрачных ущельях. Обычно каж-

дой деревне полагалось принять пять-шесть молодых горожан. Но наша, вскарабкавшаяся чуть ли не на вершину и самая бедная, смогла взять на свое иждивение только двоих — Лю и меня. Под жильем нам отвели ту самую хижину на сваях, где староста исследовал мою скрипку.

Хижина эта была общественной собственностью и строилась не как жилой дом. Под хижинкой, поднятой над землей на высоких сваях, помещался свинарник, где проживала большущая свиноматка, также общественное достояние. А сама хижина была сколочена из неструганных досок, потолка в ней не было, и вообще предназначалась она для хранения риса, кукурузы и всяких ломаных сельскохозяйственных орудий; а кроме всего прочего, то было идеальное место для тайных любовных свиданий.

В этом строении, ставшем резиденцией двух «перевоспитуемых», за все годы его существования никогда не было никакой мебели — ни стула, ни стола, — кроме двух топчанов, приткнутых к стене в крохотной комнатке без окон.

И тем не менее вскорости наш дом стал центром деревни; все ее жители приходили к нам, включая и старосту, у которого по-

Дай Сы-цзе

Д 14 Бальзак и портниха-китаяночка : роман / Дай Сы-цзе ; пер. с фр. Л. Цывьяна. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 256 с. — (Изящная классика Востока).

ISBN 978-5-389-31604-1

«Когда мы наконец научились бегло читать, читать уже было нечего».

Трагикомичная и трогательная история о подростках из интеллигентных семей, во времена китайской культурной революции сосланных для «трудового перевоспитания» на гору с поэтичным названием Небесный Феникс. К счастью, юность — это такое время, когда даже тяжелая работа в шахте и на рисовых полях не может помешать мечтать и влюбляться. К тому же в этих горах героев ждет и настоящий клад — содержимое чемодана такого же «перевоспитуемого» по прозвищу Очкарик. Книги. Запрещенные иностранные книги: Бальзак, Дюма, Флобер, Толстой, Гоголь, Достоевский, Киплинг, Диккенс, Бронте...

Для молодых людей, чей литературный опыт грозил ограничиться сборником цитат Мао, книги стали дверью в мир интеллектуальной свободы, могучих страстей и утонченной образности. И тогда один из героев, влюбленный в дочку местного портного, первую красавицу горы Небесный Феникс, решает приобщить ее к этому миру. Какие плоды принесет это «воспитание чувств» и будут ли они сладкими?

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ДАЙ СЫ-ЦЗЕ

БАЛЬЗАК И ПОРТНИХА-КИТАЯНОЧКА

Ответственный редактор Екатерина Дубянская

Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Михаила Львова

Корректоры Алиса Павлова, Людмила Дубовая

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 23.03.2026.

Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 11,28. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-CEL-40864-01-R